

Почему Достоевский назвал Пушкина «главным Славянофилом России»?

Д. А. Июдин

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: daniiliudin411@gmail.com

Аннотация. Присутствие Пушкина было неизбежно в «Гражданине» Владимира Мещерского и Федора Достоевского (1872–1874). Помимо медийных новостей в еженедельнике были опубликованы статьи, имевшие исключительное значение в литературных заботах редактора-издателя Достоевского. В статьях 1873–1874 гг. критики «Гражданина» выражали общую позицию редакции. В оценке текущих событий искусства и литературы они исходили из того, что художественные открытия Пушкина были мерой таланта и творчества современных авторов. Достоевский настаивал на национальном и мировом значении Пушкина. Важную роль в развитии пушкинской темы имела статья Михаила Погодина «К вопросу о славянофилах», в которой критик дал оригинальный ответ на вопрос: кто были славянофилы и в чем состояли их достижения. Славянофильство не было доктринерским учением, славянофилы не требовали единогласия в своих суждениях. Подчас они спорили, но это не отменяло общего направления. Славянофил Погодин назвал славянофилами многих выдающихся поэтов, критиков, философов и публицистов: не только Хомякова, братьев Киреевских и Аксаковых, но и Пушкина и его соратников, Гоголя, Даля, Фета, Достоевского, Льва Толстого и др. С его точки зрения, все они формировали славянофильство как идеологию и направление. В жизни у Достоевского было разное отношение к славянофилам. В 1840-е гг. он смотрел на московских славянофилов глазами Белинского. На каторге произошло перерождение его убеждений. Он выработал свою идеологию — почвенничество. В журнальной полемике начала 1860-х гг. Достоевский резко спорил с западниками и славянофилами. Решительное изменение отношения к славянофилам произошло в 1870-е гг. В «Гражданине», а позже в «Дневнике Писателя» Достоевский признавался, что разделяет славянофильские убеждения. Чтобы признать себя славянофилом, он должен был отождествить себя с Хомяковым и Аксаковыми. В записных тетрадях к «Дневнику Писателя» за 1876 г. Достоевский резюмировал полемику Погодина о славянофилах суждением, что Пушкин — «самый главный Славянофил России». Позже он развил это суждение в Пушкинской речи, представив поэта и пророка «всечеловеком». Достоевский подчеркивал, что идеи нового слова его речи принадлежат не ему, а всему славянофильству. В момент триумфа его и Пушкина признали славянофилами сами славянофилы.

Ключевые слова: славянофилы, западники, почвенники, Пушкин, Погодин, Достоевский, Страхов, новые категории, всечеловек, всечеловечность, всемирность

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00785 «"Гражданин" Достоевского: концепция, полемика, атрибуция, исследование (1872–1874)», <https://rscf.ru/project/24-18-00785/>).

Для цитирования: Июдин Д. А. Почему Достоевский назвал Пушкина «главным Славянофилом России»? // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 4. С. 258–273. DOI: 10.15393/j10.art.2024.7701. EDN: XPRPLJ

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2024.7701

EDN: XPRPLJ

Why Did Dostoevsky Name Pushkin “the Main Slavophile of Russia”?

Daniil A. Iudin*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: daniiliudin411@gmail.com

Abstract. Pushkin’s presence was inevitable in Vladimir Meshchersky and Fyodor Dostoevsky’s “Grazhdanin” (“The Citizen”) (1872–1874). In addition to media news, the weekly published articles that were of exceptional importance in the literary concerns of the editor and publisher Dostoevsky. In the articles of 1873–1874, the critics of “Grazhdanin” expressed the general position of the editors. In assessing current events in art and literature, they proceeded from the fact that Pushkin’s artistic discoveries were a measure of the talent and creativity of contemporary authors. Dostoevsky insisted on Pushkin’s national and global significance. Of great importance in the development of the Pushkin theme was Mikhail Pogodin’s article “On the Question of the Slavophiles,” in which the critic gave an original answer to the question of who the Slavophiles were and what their achievements consisted of. Slavophilism was not a doctrinaire teaching; the Slavophiles did not demand unanimity in their judgments. Sometimes they argued, but this did not negate the general direction. Slavophile Pogodin called many outstanding poets, critics, philosophers and publicists Slavophiles: not only Khomyakov, the Kireevsky brothers and Aksakov, but also Pushkin and his associates, Gogol, Dahl, Fet, Dostoevsky, Leo Tolstoy and others. From his point of view, they all shaped Slavophilism as an ideology and a literary and philosophical school. Over the course of his life, Dostoevsky had different attitudes towards the Slavophiles. In the 1840s, he looked at the Moscow Slavophiles through the eyes of Belinsky. In penal servitude, his convictions were transformed. He developed his own ideology — pochvennichestvo. In the magazine polemics of the early 1860s, Dostoevsky sharply argued with the Westernizers and Slavophiles. A decisive change in his attitude towards the Slavophiles occurred in the 1870s. In “The Citizen” and later in “The Writer’s Diary,” Dostoevsky admitted that he shared Slavophile beliefs. In order to admit that he was a Slavophile, he had to identify himself with Khomyakov and the Aksakovs. In his notebooks for “The Writer’s Diary” for 1876, Dostoevsky summarized Pogodin’s polemics about the Slavophiles with the judgment that Pushkin was “Russia’s most important Slavophile.” He later developed this judgment in his Pushkin speech, presenting the poet and prophet as “the universal man.” Dostoevsky emphasized that the ideas of the new word in his speech belonged not to him, but to all Slavophilism. At the moment of his and Pushkin’s triumph, the Slavophiles themselves recognized him and Pushkin as Slavophiles.

Keywords: Slavophiles, Westerners, pochvenniki, Pushkin, Pogodin, Dostoevsky, Strakhov, new categories, panhuman, vsechelovek, panhumanity, vsechelovechnost’, vsemirnost’

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-00785 ““The Citizen” by Dostoevsky: Concept, Controversy, Attribution, Research (1872–1874)”, <https://rscf.ru/project/24-18-00785/>).

For citation: Iudin D. A. Why Did Dostoevsky Name Pushkin “the Main Slavophile of Russia”? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2024, vol. 11, no. 4, pp. 258–273. DOI: 10.15393/j10.art.2024.7701. EDN: XPRPLJ (In Russ.)

.....

Присутствие Пушкина было неизбежно в «Гражданине» В. П. Мещерского и Ф. М. Достоевского (1872–1874). Помимо медийных новостей в еженедельнике были опубликованы статьи, выражавшие мнение редакции. Судя по всему, пушкинская тема не представляла литературно-критического интереса для редактора-собственника Мещерского, но имела исключительное значение в литературных заботах редактора-издателя Достоевского. Об этой коллизии пойдет речь в статье.

Семья Достоевских была воспитана на почитании Пушкина. Его произведения входили в круг постоянного чтения детей и родителей. Стихи и прозу Пушкина Федор Достоевский помнил наизусть, многие идеи и образы поэта вошли в сознание писателя навеки. Отрицание Пушкина, которое либеральные критики навязывали читателям в 1840–1860-е гг., было нетерпимо для Достоевского, который утверждал, что Пушкин народен, он гениален, его творчество имеет всемирное значение.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский вспоминал Пушкина и славянофилов:

«Он, бариц, Пугачева угадал и в пугачевскую душу проник, да еще тогда, когда никто ни во что не проникал. Он, аристократ, Белкина в своей душе заключал. Он художнической силой от своей среды отрешился и с точки народного духа ее в Онегине великим судом судил. Ведь это пророк и провозвестник. Неужели ж и в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей, что оторваться от нее ни за что нельзя и хоть и оторвешься, так все-таки назад воротиться. **Ведь не с неба же в самом деле свалилось к нам славянофильство** и хоть оно и сформировалось впоследствии в московскую затею, но ведь основание этой затеи пошире московской формулы и может быть **гораздо глубже залегает в иных сердцах, чем оно кажется с первого взгляда**. Да и у **московских-то может быть пошире их формулы залегает**. Уж как трудно с первого раза даже перед самим собой ясно высказаться. Иная живучая, сильная мысль в три поколения не выяснится, так что финал выходит иногда совсем не похож на начало...» [Д18; т. 4: 316]¹.

Ранее в статье «"Свисток" и "Русский Вестник"» (1861), задолго до «Пушкинской речи», Достоевский писал, что русская литература «началась самостоятельно с Пушкина». В доказательство писатель указывал на такую особенность поэта, как **«способность всемирности, всечеловечности, всеотклика»**:

«Он усваивает все литературы мира, он понимает всякую из них до того, что отражает ее в своей поэзии, но так, что самый дух, самые сокровеннейшие тайны чужих особенностей, переходят в его поэзию, как бы он сам был

¹ Здесь и далее тексты Достоевского цитируются по изд.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2005, с использованием сокращения Д18 и указанием тома и страницы в скобках. Полу жирные выделения в цитатах принадлежат автору статьи, курсивные — цитируемым авторам.

англичанин, испанец, мусульманин или гражданин древнего мира» [Д18; т. 5: 87].

Эта способность делает поэта не «подражателем», а «продолжателем»:

«Подражатель, — скажут нам, — отсутствие собственной мысли. Но ведь так не подражают. Он является везде en maître (как мастер. — *фр.*), так **подражать, значит творить самому, не подражать, а продолжать**» [Д18; т. 5: 87].

Достоевский настаивал на самостоятельности и оригинальности творчества Пушкина:

«Неужели такое явление кажется вам несамостоятельным, ничтожным, ничем? В какой литературе, начиная с создания мира, найдете вы такую **особенность всепонимания, такое свидетельство о всечеловечности и главное в такой высочайшей художественной форме?**» [Д18; т. 5: 87–88].

Вопрос о национальном и мировом значении творчества Пушкина был ключевым в статье Достоевского.

«Это-то и есть, может быть **главнейшая особенность русской мысли**; она есть и в других народностях, **но в высочайшей степени выражается только в русской**, и в **Пушкине** она выразилась слишком законченно, слишком цельно, чтоб ей не поверить. (Я уже не говорю про то, что был Пушкин собственно для нас, собственно для **выражения нашей русской национальной поэзии?**)» [Д18; т. 5: 88].

В этих концептах (**всечеловечность, всепонимание, всеотклик, всемирность**) Достоевский выразил «главнейшую особенность *русской мысли*» и «нашей русской национальной поэзии».

Всемирность — слово, которое существовало в тезаурусе Достоевского еще в начале 1861 г. В «Дневнике Писателя» за июль — август 1877 г. оно объясняет будущность России:

«В Пушкине две главные мысли — и обе заключают в себе **прообраз всего будущего назначения и всей будущей цели России**, а стало быть и **всей будущей судьбы нашей**. Первая мысль — **всемирность России**, ее **отзывчивость и действительное, бесспорное и глубочайшее родство ее гения с гениями всех времен и народов мира**. Мысль эта выражена Пушкиным не как одно только указание, учение, или теория, не как мечтание или пророчество, но **исполнена им на деле, заключена вековечно в гениальных созданиях его и доказана ими**. Он человек древнего мира, он и германец, он и англичанин, глубоко сознающий гений свой, тоску своего стремления (Пир во время чумы), он и поэт Востока. Всем этим народам он **сказал и заявил, что русский гений знает их, понял их, соприкоснулся им как родной, что он может перевоплощаться в них во всей полноте, что лишь одному только русскому духу дана всемирность, дано назначение в будущем постигнуть**

и объединить всё многообразие национальностей и снять все противоречия их» [Д18; т. 12: 180–181].

В свою очередь «всемирность» требует «всепонимания» и «всепонятности»:

«Всемирность, всепонятность и неисследимая глубина мировых типов человека арийского племени, данных Шекспиром на веки веков, не подвергается мною ни малейшему сомнению. И если б Шекспир создал Отелло действительно венецианским мавром, а не англичанином, то только придал бы ему ореол местной национальной характерности, мировое же значение этого типа осталось бы по-прежнему то же самое, ибо и в итальянце он выразил бы то же самое что хотел сказать, с такою же силою. Повторяю, не на мировое значение Шекспиров и Шиллеров хотел я посягнуть обозначая гениальнейшую способность Пушкина перевоплощаться в гении чужих наций, а желая лишь в самой этой способности и в полноте ее отметить великое и пророческое для нас указание...» [Д18; т. 12: 315].

Далее к пушкинской «**всемирности**» Достоевский прибавляет «**всечеловечность**»:

«Повторяю: по крайней мере мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание. Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть по крайней мере на чем этой фантазии основаться» [Д18; т. 12: 330].

Слово «**всечеловечность**» Достоевский употреблял с конца 1860 г.:

«...в русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, что в нем по преимуществу выступает способность высоко синтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности» [Д18; т. 4: 373].

Достоевский настаивал:

«Мы поняли в нем, что русский идеал — всецелость, всепримиримость, всечеловечность. В явлении Пушкина уясняется нам даже будущая наша деятельность. Дух русский, мысль русская выражались и не в одном Пушкине, но только в нем они явились нам во всей полноте, явились как факт, законченный и целый...» [Д18; т. 4: 387].

Существует различие в этих понятиях: **всечеловечность** означает общность и единство, а **всечеловечество** — единство «всечеловеков», их общ-

ность образует соборность христиан, церкви, граждан, государства и государств, одним словом — **человечество**.

«Всечеловечность» связана со служением не только России, но и **«всечеловечеству»**:

«У нас — русских, две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами, — (пусть они на меня за это не сердятся). Против этого спорить не нужно. **Величайшее из величайших назначений, уже созданных Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству.** Подумайте и вы согласитесь, что Славянофилы признавали то же самое, — вот почему и звали нас быть строже, тверже и ответственнее русскими, — именно понимая, что **всечеловечность есть главнейшая личная черта и назначение русского**» [Д18; т. 11: 423].

Еще одна творческая черта русского народа — **«всечеловеческий отклик»**, который «даже сильнее, чем во всех других народах» [Д18; т. 4: 416].

Характеризуя творчество Жорж Занд, Достоевский настаивал:

«...всё то, что в явлении этого поэта составляло "новое слово", всё, что было **"всечеловеческого"**, — всё это тотчас же в свое время отозвалось у нас, в нашей России, сильным и глубоким впечатлением, не миновало нас и тем доказало, что **всякий поэт — новатор Европы**, всякий, прошедший там **с новой мыслью и с новой силой**, не может не стать тотчас же и **русским поэтом**, не может миновать русской мысли, не стать почти русской силой» [Д18; т. 11: 424].

В христианстве возникла «новая, неслыханная дотоле **национальность**»: вместо немцев, французов, болгар, русских и прочих появились христиане, образовалось единство «в форме общей вселенской Церкви» [Д18; т. 12: 348].

Слова **«всечеловечность»**, **«всечеловечество»**, **«всечеловеческий»** происходят из трехкорневого существительного **«все+чело+век»**. В тезаурусе Достоевского они встречаются начиная с 1860-х гг., концепт «всечеловек» — единожды в Пушкинской речи (1880):

«Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским может быть и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком* если хотите» [Д18; т. 12: 329].

Какова семантика слова «всечеловек»?

В книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869) словом «Всечеловек» (с прописной буквы) назван Христос:

«...былъ только одинъ Всечеловѣкъ — и Тотъ былъ Богъ»².

Данилевский слово произнес, но не дал ему терминологического развития. У Достоевского слово «всечеловек» употреблено со строчной буквы и выделено курсивом. В этом значении (христианин, «все христы») слово вошло в русскую литературу и философию [Захаров, 2013]. Несмотря на однократное употребление, это главное слово Достоевского [Захаров, 2021]. В целом значение концепта «всечеловек» раскрыто в богословских и философских трудах преподобного Иустина (Поповича) [Иустин (Попович), 2007, 2017], в исследованиях современных ученых (см.: [Буданова], [Великосельский], [Захаров, 2013, 2017, 2021], [Цветкова], [Литинская], [Захарова, 2022], [Викторович, 2021], [Борисова, Бучнева, Шаулов] и др.), соотнесено с концепцией еженедельника «Гражданин» [Захарова, 2024], [Викторович, 2024].

Смысл концепта «всечеловек» заключен в раскрытии антропологического принципа писателя: для Достоевского «найти в человеке человека» — «очеловечить человека», «восстановить образ Божий»; «быть русским — стать всечеловеком, христианином» [Захаров, 2013: 154–155] (ср.: [Захаров, 2019: 240]).

Такова во всей полноте концепция Пушкина в творческом осмыслении Достоевского.

В анонимно-псевдонимных статьях 1873–1874 гг. критики «Гражданина» выражали общую позицию редакции. В оценке текущих событий искусства и литературы они исходили из того, что художественные открытия Пушкина были мерой таланта и творчества современных авторов.

Так, Павел Павлов (псевдоним князя Павла Петровича Вяземского) иронически-шутливо упрекал отца, друга Пушкина князя Петра Андреевича Вяземского, за то, что тот не защищает честь поэта:

«Фельетонисты, и тѣ у насъ явились судьями Пушкина, а ветеранъ нашей литературы, послѣдній живой судья и цѣнитель Пушкина, и который могъ бы о немъ много сказать — князь Вяземскій молчитъ о Пушкинѣ. Спросите-ка его: отчего онъ молчитъ? Не отвѣтитъ-ли онъ вамъ: мнѣ страшно говорить о Пушкинѣ, величіе предмета поражаетъ меня, удерживаетъ меня; **надо слишкомъ возвыситься до Пушкина, чтобы судить его!**» (Гр. 1874. № 11. С. 330).

Павел Вяземский создает многоаспектный образ Пушкина: зачастую он был «просто срединным человеком», он мог быть циником (когда начинался какой-то эмоциональный срыв от тупика в мечтах или творчестве), гением (воплощением цельного и полного миропонимания и мировосприятия). Следующий этап — гений становится творцом, поэту подвластны все слова. Эти воплощения обстоятельно рассмотрены Вяземским. Личность Пушки-

² Данилевскій Н. Я. Россія и Европа // Заря. 1869. № 3. С. 34.

на (по Павлу Павлову) многослойна: в одном лице он — поэт, «срединный человек», циник, гений, творец.

23 апреля (5 мая) 1871 г. Достоевский писал Страхову:

«У Васъ была, въ одной изъ Вашихъ брошюръ, одна великолѣпная мысль и, главное, первый разъ въ литературу высказанная, — это: что всякій, чуть чуть значительный, и дѣйствительный талантъ — всегда кончалъ тѣмъ, что обращался къ національному чувству, становился народнымъ славянофильскимъ. Такъ свистунъ Пушкинъ, вдругъ, раньше всѣхъ Кирѣевскихъ и Хомяковыхъ, создаетъ лѣтописца въ Чудовомъ монастырѣ, т. е. раньше всѣхъ славянофиловъ высказываетъ всю ихъ сущность и, мало того, — высказываетъ это несравненно глубже чѣмъ всѣ они до сихъ поръ»³.

Хотя Достоевский и называет мысль Страхова в первый раз высказанной, сам писатель высказывался об этом в литературно-критических и публицистических статьях «Времени» и «Эпохи» в 1860-е гг.

Достоевский считал, что Пушкин опередил славянофилов, стал первым из них. Все это в совокупности ставит вопрос: был ли Пушкин славянофилом?

В полемике с западником А. Н. Пыпиным славянофил М. П. Погодин назвал славянофилами не только Пушкина, но и окружение поэта.

Михаил Петрович Погодин был одним из первых идеологов славянофильства. Он современник Пушкина, родился в 1800 г., был профессором Московского университета с 1826 г., с 1841 по 1856 г. издавал славянофильский журнал «Москвитянин», был поэтом, историком и писателем, дружил и спорил с вождями славянофильства, в конце жизни сам стал авторитетом среди славянофилов.

В своей статье Погодин называет, кого обычно включают в круг славянофилов:

«Славянофилы — это былъ сначала кружокъ молодыхъ людей (нынѣ давно состарившихся или сошедшихъ въ могилу), знакомыхъ между собою съ дѣтства или учебной скамьи) и начавшихъ заявляться съ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ (Хомяковъ, Языковъ, Кирѣевскіе, Шевыревъ, Кошелевъ⁴ и пр.). Къ сороковымъ годамъ подготовилось ихъ новое поколѣніе (Константинъ Аксаковъ, потомъ Самаринъ, Поповъ, Елагинъ, Стаховичъ, Пановъ, Валуевъ, кн. Черкасскій⁵). Къ пятидесятымъ годамъ относится

³ РО ИРЛИ. Ф. 287. № 52. Л. 43. Достоевский Ф. М. Письмо Н. Н. Страхову от 23 апреля (5 мая) 1871 г. // Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrso.ru/fmdost/letters/strahnn/kstrahovu2304-05051871.htm> (09.09.2024).

⁴ Имеются в виду: Алексей Степанович Хомяков (1804–1860), Николай Михайлович Языков (1803–1846), Иван Васильевич Киреевский (1806–1856), Петр Васильевич Киреевский (1808–1856), Степан Петрович Шевырев (1806–1864), Александр Иванович Кошелев (1806–1883).

⁵ Имеются в виду: Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860), Юрий Федорович Самарин (1819–1876), возможно, и его брат Дмитрий Федорович Самарин (1831–1901), Алек-

третье поколѣніе — (Гильфердингъ, Иванъ Аксаковъ, Ламанскій⁶). Съ шестидесятихъ годовъ началось четвертое (сотрудники "Зари", "Бесѣды" и проч.)» (Гр. 1873. № 11. С. 348).

В целом славянофильство не доктринерское учение, а общение, свободное обсуждение мнений знакомых и друзей, которые соглашались или не соглашались с отдельными суждениями:

«Къ дружнымъ между собою славянофиламъ разныхъ періодовъ **приставали иные со стороны, знакомые или незнакомые, раздѣляя или воздѣлавая то или другое изъ ихъ положеній...**» (Гр. 1873. № 11. С. 348).

Славянофильство не требовало единогласия во всех аспектах: Киреевские и Хомяков могли не соглашаться с Пушкиным. Погодин спорил с некоторыми из них, но это не отменяло общего направления, которое их объединяло.

В славянофильский круг входили видные литературные деятели — поэты, критики, публицисты:

«Живое дружеское сочувствіе многихъ достойныхъ литературныхъ и ученыхъ дѣятелей идеямъ славянофильскимъ — утѣшало и утѣшаетъ ихъ постоянно: назову **Гоголя, П. С. Савельева, В. В. Григорьева, Шеншина, Т. И. Филиппова, графа Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевскаго, Н. Я. Данилевскаго, Н. Н. Страхова**⁸» (Гр. 1873. № 11. С. 348–349).

И наконец ключевое высказывание Погодина, из которого следует, что он не прочь считать славянофилами не только Пушкина, но и пушкинскую плеяду в целом:

«Для исторіи русской словесности, и вообще русскаго образованія, замѣчу (это не было еще замѣчено), что **кружокъ славянофиловъ находился въ**

сандр Николаевич **Попов** (1820–1877), Василий Алексеевич **Елагин** (1818–1879), Михаил Александрович **Стахович-старший** (1820–1858), Василий Алексеевич **Панов** (1819–1849), Дмитрий Александрович **Валуев** (1820–1845), князь Владимир Александрович **Черкасский** (1824–1878).

⁶ Имеются в виду: Александр Федорович **Гильфердинг** (1831–1872), Иван Сергеевич **Аксаков** (1823–1886), Владимир Иванович **Ламанский** (1833–1914).

⁷ В журнале «Заря» (1869–1872) публиковались произведения Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, А. Ф. Писемского, К. Н. Леонтьева, Д. В. Аверкиева, Вс. В. Крестовского, В. П. Ключникова, В. Г. Авсеенко и др., в журнале «Беседа» (1871–1872) — сочинения С. А. Юрьева, А. И. Кошелева, И. С. Аксакова, А. Н. Майкова и др.

⁸ В числе сочувствующих славянофилам названы: Николай Васильевич **Гоголь** (1809–1852), Петр Степанович **Савельев** (1814–1859), Василий Васильевич **Григорьев** (1816–1881), Афанасий Афанасьевич **Шеншин** (Фет) (1820–1892), Третий Иванович **Филиппов** (1826–1899), граф Лев Николаевич **Толстой** (1828–1910), Федор Михайлович **Достоевский** (1821–1881), Николай Яковлевич **Данилевский** (1822–1885), Николай Николаевич **Страхов** (1828–1896). Показательно отсутствие в списках Погодина критика и поэта **Аполлона Александровича Григорьева** (1822–1864). На это были свои причины.

дружескихъ связяхъ съ представителями старшаго предъ ними поколѣнія, Пушкинымъ, Баратынскимъ, Плетневымъ, равно какъ тѣ примыкали къ Жуковскому, Вяземскому...⁹» (Гр. 1873. № 11. С. 349).

Славянофилами, с точки зрения Погодина, были не только Хомяков, братья Киреевские и Аксаковы, но и Пушкин со своей плеядой поэтов и критиков. Все вместе они формировали славянофильство как идеологию и направление.

В полемике с Пыпиным многолетний редактор «Москвитянина» считает долгом защитить свой журнал:

«Считаю себя обязаннымъ заступиться за "Москвитянина" и спросить: у кого именно онъ не пользовался уваженіемъ?

Въ "Москвитянинѣ", отъ перваго года до послѣдняго, принимали участіе и помѣщали статьи: Жуковскій, которому отчасти онъ одолженъ и своимъ существованіемъ (равно какъ и князю Д. В. Голицыну), какъ подавшій первую мысль и помогавшій къ приведенію ея въ исполненіе; князь Вяземскій, Гоголь, Даль, гр. Ростопчина, Максимовичъ, Глинка (Ө. Н.), Дмитріевъ (М. А.), Вельтманъ, Аксаковъ (С. Т.), Горскій, Стурдза, Загоскинъ, Мельгуновъ, Квитка, Ознобишинъ, Раичъ, Павлова, Миллеръ (Ө. Б.), Буслаевъ, Гротъ, Срезневскій, Щуровскій, Григорьевъ (В. В.), Іакинѣ, Давыдовъ, Сахаровъ, Снегиревъ, Бѣляевъ, Лешковъ, Березинъ, Спасскій. Не говорю уже объ отдѣленныхъ г. Пыпинымъ славянофилахъ: Хомяковъ, Языковъ, Аксаковъ, Самаринъ, Поповъ¹⁰ и проч.» (Гр. 1873. № 13. С. 419).

⁹ В круг славянофилов Погодин включил, кроме упомянутых А. С. Пушкина, В. А. Жуковского и П. А. Вяземского, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева.

¹⁰ Со слов Погодина, в журнале «Москвитянин», участвовали Василий Андреевич Жуковский (1783–1852), князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771–1844), князь Петр Андреевич Вяземскій (1792–1878), Николай Васильевич Гоголь (1809–1852), Владимир Иванович Даль (1801–1872), графиня Евдокия Петровна Ростопчина (1811–1858), Михаил Александрович Максимович (1804–1873), Федор Николаевич Глинка (1786–1880), Михаил Александрович Дмитріев (1796–1866), Александр Фомич Вельтман (1800–1870), Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859), Александр Васильевич Горскій (1812–1875), Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854), Михаил Николаевич Загоскин (1789–1852), Николай Александрович Мельгунов (1804–1867), Григорий Федорович Квитка (псевд. Основьяненко) (1778–1843), Дмитрий Петрович Ознобишин (1804–1877), Семен Егорович Амфитеатров (псевд. Раич) (1792–1855), Каролина Карловна Павлова (1807–1893), Федор Богданович Миллер (1818–1881), Федор Иванович Буслаев (1818–1897), Яков Карлович Грот (1812–1893), Измаил Иванович Срезневскій (1812–1880), Григорий Ефимович Щуровскій (1803–1884), Василий Васильевич Григорьев (1816–1881), архимандрит Іакинф (Никита Яковлевич Бичурин) (1777–1853), Иван Иванович Давыдов (1794–1863), Иван Петрович Сахаров (1807–1863), Иван Михайлович Снегирев (1793–1868), Иван Дмитриевич Беляев (1810–1873), Василий Николаевич Лешков (1810–1881), Илья Николаевич Березин (1818–1896), Михаил Федорович Спасскій (1809–1859). Погодин напоминает также «объ отдѣленныхъ г. Пыпинымъ славянофилахъ: Хомяковъ, Языковъ, Аксаковъ, Самаринъ, Поповъ».

Погодин упрекал Пыпина, что тот не понимает славянофильство, не знает, кто был славянофилом, а это были выдающиеся общественные деятели, поэты, критики и философы, среди них — Пушкин и его плеяда, Гоголь, Фет, Достоевский, Толстой и многие другие.

В 1870-е гг. Достоевский и Погодин были единомышленниками. Достоевский не мог не опубликовать в «Гражданине» статью Погодина «К вопросу о славянофилах». Их суждения о славянофилах были во многом общими и согласными. Погодин считал Пушкина славянофилом, Достоевский не отказался от той чести, которую ему уготовил Погодин, — быть признанным славянофилом, как Гоголь, Даль, Фет, Толстой и др.

Отношение к славянофилам у Достоевского на протяжении жизни менялось.

В 1840-е гг. Достоевский славянофилом не был. Он был патриотом, любил европейскую и русскую литературу и культуру, был утопическим социалистом и вольнодумцем. Славянофилы казались ему смешными москвичами, грезившими «московской затеей».

На каторге произошло перерождение его убеждений. Он выработал новую идеологию — почвенничество. Чем почвенники отличались от славянофилов? Какое место в полемике с западниками и славянофилами занимали Пушкин и Достоевский?

Славянофилы подчас критиковали сочинения Пушкина, но это не мешало им дружно вести общее литературное дело. В журнальной полемике начала 1860-х гг. Достоевский резко спорил как с западниками, так и со славянофилами. Одних он осуждал за реформы Петра Великого, других — за «московский идеальчик» допетровской Руси; и тех и других судил за непонимание России, всех желал примирить. В это время Достоевский был пристрастен к творчеству и идеям Лермонтова и Гоголя и несправедлив в их оценках, надеялся, что «русский человек все-таки остался русским» [Д18; т. 4: 433], упрекал: «не узнавать своих и ничего не понимать в современной действительности» — особенность славянофилов [Д18; т. 4: 467], защищал западников и славянофилов, особенно хвалил К. Аксакова за защиту общинного быта и земства, отмечал честность, любовь к Родине и народу. Полемика почти прекратилась в период издания «Эпохи» (1864–1865), но решительное изменение отношения к славянофилам произошло в 1870-е гг.

Именно в это время в «Дневнике Писателя» прозвучало признание Достоевского:

«Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя может быть и не вполне славянофил» [Д18; т. 12: 177].

Причина сомнения заключена в неопределенности ключевого слова:

«Славянофилы до сих пор понимаются различно» [Д18; т. 12: 177].

Понятие своеобразно было истолковано в кругу Белинского:

«Для иных, даже и теперь, славянофильство, как в старину например для Белинского, означает лишь квас и редьку. Белинский, *действительно* дальше не заходил в понимании славянофильства» [Д18; т. 12: 177].

У большинства славянофилов было, по мнению Достоевского, отчасти политическое понимание их идеи:

«Для других (и заметим, для весьма многих, чуть не для большинства даже самих славянофилов), славянофильство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России — началом, которое может быть даже и не строго политическим» [Д18; т. 12: 177].

Для третьих слово связано с идеей и идеалом России:

«И наконец, для третьих, славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое **новое здоровое и еще неслыханное миром слово**. Слово это будет сказано во благо и воистину уже в **соединение всего человечества новым, братским, всемирным союзом**, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения многих горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации» [Д18; т. 12: 177].

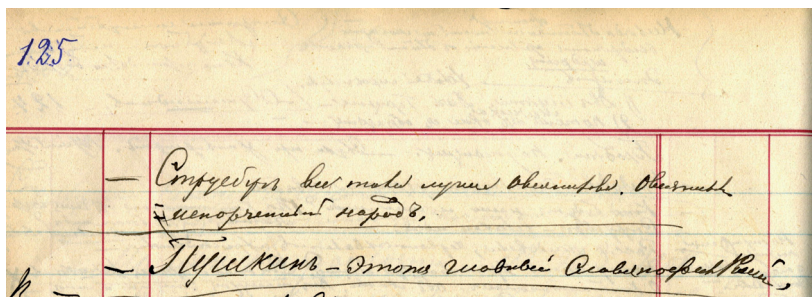
Достоевский причисляет себя к этому «третьему» кругу людей:

«Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я» [Д18; т. 12: 177].

Уже по смерти Достоевского в аксаковской газете «Русь» Страхов назвал почвенничество «петербургским славянофильством», а сам редактор газеты в цикле статей разных авторов признал Достоевского славянофилом, совершив акт «славянофильского открытия Достоевского» [Захаров, 2017]. Есть много высказываний критиков в пользу того, что Достоевский придерживался славянофильских убеждений, был близок им. Чтобы признать себя славянофилом, писателю нужно было отождествить себя с Аксаковыми и Хомяковым. Достоевский пришел к этому в «Дневнике Писателя», и произошло это не без влияния дружбы с Иваном Сергеевичем Аксаковым, начавшейся в середине 1860-х гг.

В записных тетрадях к «Дневнику Писателя» за 1876 г. Достоевский резюмировал редакционную полемику Погодина с Пыпиным, сказав предельно ясно:

«— Пушкинъ — этотъ главный Славянофилъ Россіи»¹¹.

Илл. 1. Запись о Пушкине-славянофиле
из записной тетради Ф. М. Достоевского 1876–1878 гг.

Fig. 1. Notes about Pushkin as Slavophile
from the notebook of F. M. Dostoevsky in 1876–1878

По сути дела, Достоевский высказал одну из ключевых идей своей литературной концепции: быть славянофилом и почвенником — любить народ, русский язык, любить Россию. Эта идея получила у Достоевского свое развитие. Его журналы «Время» и «Эпоха», «Гражданин», «Дневник Писателя» реализовывали славянофильские и почвеннические идеи автора. Достоевский не стал бы называть «главным славянофилом» себя, но Пушкина назвал «главным Славянофилом России».

Список литературы

1. Борисова В. В., Бучнева Д. Д., Шаулов С. С. Словарь-тезаурус «евангельского текста» Ф. М. Достоевского // Сайт проекта «Терминологический словарь-тезаурус "евангельского текста" Ф. М. Достоевского» [Электронный ресурс]. URL: <https://thesaurus-dostoevsky.github.io/Thesaurus/> (09.09.2024).
2. Буданова Н. Ф. От «общечеловека» к «русскому скитальцу» и «всечеловеку» (лексические заметки) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Т. 13: К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. С. 200–212. EDN: ZSOZUH
3. Великосельский А. В. Два взгляда на Достоевского: Оскар фон Шульц и преподобный Иустин (Попович) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 149–159 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430308322.pdf (09.09.2024). EDN: RVPBXR
4. Викторovich В. А. Эффект «Пушкинской речи» в русской журналистике // Известный Достоевский. 2021. Т. 8. № 2. С. 122–156 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1626095001.pdf (09.09.2024). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5362. EDN: DRRVEC

¹¹ РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 125.

5. Викторovich В. А. Происхождение «Гражданина»: авторы, концепции, жанры // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 4. С. 117–157 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1732441170.pdf (09.09.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2024.14522. EDN: APFWNHX
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2005.
7. Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 150–164 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (09.09.2024). EDN: RTXNCP
8. Захаров В. Н. Славянофильское открытие Ф. М. Достоевского // Газета «Русь» 1880–1886 годов: [коллект. монография]. М.: Пашков дом, 2017. С. 556–563. EDN: XWTROP
9. Захаров В. Н. Антропологический принцип Достоевского // Междисциплинарный синтез гуманитарных наук в эпоху социокультурных и исторических трансформаций: опыт «Русского пути»: сб. мат-лов Всерос. конф. с междунар. участием (С.-Петербург, 29–31 мая 2019 г.). СПб.: РХГА, 2019. С. 234–243. EDN: QWMZLF
10. Захаров В. Н. Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (09.09.2024). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321. EDN: HWOFOQO
11. Захарова О. В. Христианский смысл «Пушкинской речи» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 324–336 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1654541371.pdf (09.09.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11082. EDN: XSCYEC
12. Захарова О. В. Гражданин Достоевский: идея, концепция, концепт // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 3. С. 118–132 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1729266351.pdf (09.09.2024). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7521. EDN: PAPLWN
13. Иустин (Попович), прп. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск: Издатель Д. В. Харченко, 2007. 312 с.
14. Иустин (Попович), прп. Достоевский о Европе и славянстве // Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. Тобольск: Обществ. благотвор. фонд «Возрождение Тобольска», 2017. Т. 3: Свидетельства. Критика. Богословие / Г. В. Беловолов, А. П. Дмитриев, В. Н. Захаров и др. С. 392–700 [Электронный ресурс]. URL: <http://denismc.beget.tech/book4.html#350> (09.09.2024).
15. Литинская Е. П. Риторика и поэтика «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 141–175 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1630915640.pdf (09.09.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9583. EDN: LWEEWDW
16. Цветкова Н. В. «Всечеловеческое» и «всечеловек»: от С. П. Шевырева к Ф. М. Достоевскому // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 2. С. 127–150 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/DOCT_2018-2a-разв-127-150.pdf (09.09.2024). DOI: 10.22455/2619-0311-2018-2-127-150. EDN: VOMZDW

References

1. Borisova V. V., Buchneva D. D., Shaulov S. S. Dictionary-Thesaurus of the “Gospel Text” by F. M. Dostoevsky. In: *Sayt proekta “Terminologicheskij slovar’-tezaurus “evangel’skogo teksta” F. M. Dostoevskogo* [The Website of the Project “Terminological Dictionary-Thesaurus of the

- "Gospel Text" by F. M. Dostoevsky"]. Available at: <https://thesaurus-dostoevsky.github.io/Thesaurus/> (accessed on September 09, 2024). EDN: RVPBXR (In Russ.)
2. Budanova N. F. From "Universal Man" to "Russian Wanderer" and "Pan-Man" (Lexical Notes). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13, pp. 200–212. EDN: ZSOZUH (In Russ.)
 3. Velikoselskiy A. V. Two Views on F. Dostoevsky: Oscar von Schoultz and the Reverend Justin (Popovitch). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya, 2011, issue 9, pp. 149–159. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430308322.pdf (accessed on September 09, 2024). EDN: RVPBXR (In Russ.)
 4. Viktorovich V. A. The Effect of the Pushkin Speech in Russian Journalism. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 122–156. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1626095001.pdf (accessed on September 09, 2024). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5362. EDN: DRRVEC (In Russ.)
 5. Viktorovich V. A. The Origin of "The Citizen": Authors, Concepts, Genres. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 117–157. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1732441170.pdf (accessed on September 09, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2024.14522. EDN: APFWHX (In Russ.)
 6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh [The Complete Works: in 18 Vols]*. Moscow, Voskresen'e Publ., 2003–2005. (In Russ.)
 7. Zakharov V. N. Dostoevsky's Poetic Anthropology. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 150–164. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (accessed on September 09, 2024). EDN: RTXNCP (In Russ.)
 8. Zakharov V. N. Slavophil Discovery of F. M. Dostoevsky. In: *Gazeta "Rus" 1880–1886 godov: kolektivnaya monografiya [The Newspaper "Rus" of 1880–1886: Collective Monograph]*. Moscow, 2017, pp. 556–563. EDN: XWTROP (In Russ.)
 9. Zakharov V. N. Dostoevsky's Anthropological Principle. In: *Mezhdistsiplinarnyy sintez gumanitarnykh nauk v epokhu sotsiokul'turnykh i istoricheskikh transformatsiy: opyt "Russkogo puti": sbornik materialov Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (S.-Peterburg, 29–31 maya 2019 g.) [Interdisciplinary Synthesis of the Humanities in the Era of Sociocultural and Historical Transformations: the Experience of the "Russian Way": a Collection of Materials from the All-Russian Conference with International Participation (St. Petersburg, May 29–31, 2019)]*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2019, pp. 234–243. EDN: QWMZLF (In Russ.)
 10. Zakharov V. N. The Relevance of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 5–20. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (accessed on September 09, 2024). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321. EDN: HWOFOQO (In Russ.)
 11. Zakharova O. V. The Christian Meaning of Dostoevsky's Pushkin Speech. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 324–336. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1654541371.pdf (accessed on September 09, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11082. EDN: XSCYEC (In Russ.)
 12. Zakharova O. V. Dostoevsky as a Citizen: Idea, Conception, Concept. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2024, vol. 11, no. 3, pp. 118–132. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1729266351.pdf (accessed on September 09, 2024). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7521. EDN: PAPIWN (In Russ.)

13. Justin (Popović). *Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo* [*Philosophy and Religion of F. M. Dostoevsky*]. Minsk, Izdatel' D. V. Kharchenko Publ., 2007. 312 p. (In Russ.)
14. Justin (Popović). Dostoevsky's Opinion About Europe and the Slavs. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [*The Gospel of Dostoevsky: in 3 Vols*]. Tobolsk, Obshchestvennyy blagotvoritel'nyy fond “Vozrozhdenie Tobol'ska” Publ., 2017, vol. 3: Testimonials. Criticism. Theology, pp. 392–700. Available at: <http://deniskmc.beget.tech/book4.html#350> (accessed on September 09, 2024). (In Russ.)
15. Litinskaya E. P. Rhetoric and Poetics of Dostoevsky's Pushkin Speech. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 141–175. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1630915640.pdf (accessed on September 09, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9583. EDN: LWEEWD (In Russ.)
16. Tsvetkova N. V. “Ultimately Human” and “An Ultimate Human being”: from S. Shevyrev to F. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2018, no. 2, pp. 127–150. Available at: https://dostmirkult.ru/images/DOCT_2018-2a-разв-127-150.pdf (accessed on September 09, 2024). DOI: 10.22455/2619-0311-2018-2-127-150. EDN: VOMZDW (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Июдin Даниил Андреевич, преподаватель **Daniil A. Iudin**, Lecturer at the Department of кафедры классической филологии, русской Classical Philology, Russian Literature and литературы и журналистики, младший на- Journalism, Junior Researcher of the Department учный сотрудник Управления научных of Scientific Research, Graduate Student, исследований, аспирант, Петрозаводский Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, государственный университет (г. Петроза- 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0895-7942>; e-mail: <https://orcid.org/0000-0003-0895-7942>; e-mail: daniiliudin411@gmail.com. daniiliudin411@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 11.09.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 08.11.2024

Принята к публикации / Accepted 10.11.2024

Дата публикации / Date of publication 06.12.2024